

С.Н. Мещеряков (Москва, Россия)

Миф и религия в романе Г. Петровича «Осада церкви Святого Спаса»¹

Аннотация: В статье выявляется взаимосвязь мифа и религии, фантастики и реальности в романе Г. Петровича «Осада церкви Святого Спаса». Рассматриваются положения о принадлежности произведения к постмодернизму, о параллелях «Осады церкви Святого Спаса» с творчеством известного сербского писателя-постмодерниста М. Павича. Отмечается присутствие элементов постмодернистской поэтики у Петровича, исследуются возможности сочетания постмодернизма и мифа, постмодернизма и христианства.

Ключевые слова: Горан Петрович, миф, религия, постмодернизм, сон, фантастика, реальность

S.N. Meshcheryakov (Moscow, Russia)

Myth and Religion in Goran Petrović's Novel "The Siege of the Church of the Holy Savior"

Abstract: The article reveals the interrelationship between myth and religion, fantastics and reality in Goran Petrović's novel "The Siege of the Church of the Holy Savior". The provisions on the belonging of the novel to postmodernism, on the parallels of the "Siege of the Church of the Holy Savior" with the work of the famous Serbian postmodernist writer Milorad Pavić are considered. The presence of elements of postmodernist poetics in Petrović is noted, the possibilities of combination postmodernism and myth, postmodernism and Christianity are explored.

Key words: Goran Petrović, myth, religion, postmodernism, sleep, fantastics, reality

Горан Петрович (род. 1961) – один из самых ярких сербских прозаиков нашего времени, высоко оцененный критикой². Он автор ряда книг, переведенных

¹ Название романа Г. Петровича «Осада церкви Святого Спаса» дано в соответствии с переводом на русский язык (СПб.: Амфора, 2005). В оригинале присутствует и другое написание – «Осада цркве Св. Спаса» (Београд: Народна книга-Алфа, 2003).

² Творчество Г. Петровича было по достоинству оценено ведущими сербскими критиками. В. Павкович в статье «Шестнадцать лет спустя. О Горане Петровице, прозаике» писал, что Петрович справедливо является «самым высоко ценимым и самым популярным автором поколения 90-х» (Савремена српска проза. Књижевни портрет Горана Петровића. Трстеник, 2005. С. 17). А. Ерков в статье «Истина искусства» отмечал, что Г. Петрович «сегодня лучший стилист сербской прозы» и что «без книг Горана Петровича сегодня нельзя представить сербскую литературу» (Там же. С. 20). М. Пантич в статье «Язык, мечта и равновесие» отметил сбалансированность прозы «знаменитого писателя» (Там же. С. 9).

на многие европейские языки, лауреат престижных литературных премий¹. Традиционно считается преемником сербского писателя-постмодерниста с мировым именем Милорада Павича (1929–2009). В предисловии к русскому изданию романа Г. Петровича «Атлас, составленный небом» Павич отнес это произведение к «самым редким по своему вкусу плодам, выросшим сегодня в саду сербской литературы»².

Наряду с «Атласом» исторический роман «Осада церкви Святого Спаса» был признан критикой одним из высших творческих достижений писателя, что подтверждалось и неизменным интересом к нему читателей³. Сам Петрович называл свой роман «антиисторическим», а критика отмечала постмодернистский характер произведения. По словам Я. Алексиц, писатель «настаивает на относительности онтологических границ между реальностью, воплощенной в ходе исторического развития, и включенной в него повествовательной фантастикой»⁴. Таким образом, продолжает исследователь, «мы наблюдаем типичный постмодернистский концепт восприятия реальности / истории и текста»⁵.

По мнению С.Ч. Шаренац, в романе реализуется постмодернистское утверждение о «невозможности уничтожения повествования». Помимо того, поскольку у Петровича исторические события обретают фантастическую мотивировку, возникает сомнение в достоверности исторических знаний, что также присуще постмодернизму. Обращение писателя к фольклорной фантастике и цитированию также, по мнению исследователя, является свидетельством усвоения элементов постмодернистской поэтики. В духе постмодернизма, по мнению С.Ч. Шаренац, Петрович подчеркивает значимость текста в сравнении с его автором, отмечает, что у текста может быть не один творец. Ссылаясь на слова Петровича об «изломанности» повествования, исследователь приходит к мысли о его нелинейной структуре⁶. М. Недич также полагает, что роман написан «согласно поэтическим ожиданиям постмодернистской литературы»⁷. О «постмодернистских традициях письма» у Петровича пишет Ю.А. Сопильняк⁸.

Очевидны параллели между «Осадой» Петровича и знаменитым «Хазарским словарем» М. Павича. Как и Павич, Петрович обращается к событиям прошлого. Конкретный исторический факт – разграбление болгарами и куманами в 1291 г.

¹ Произведения Г. Петровича переведены на 20 языков, в том числе на все основные европейские и на все славянские языки. На русский язык с 2000 по 2017 г. Ларисой Савельевой были переведены все три романа Петровича («Атлас, составленный небом», «Осада церкви Святого Спаса», «Книга с местом для свиданий»), три сборника рассказов («Остров и окрестные рассказы», «Различия», «Под осыпающимся потолком») и фрагмент ненапечатанного романа «Снег, следы». Ожидают перевода сборники рассказов «Ближние» (2002), «Все, что я знаю о времени» (2003), «Семейные истории» (2011), «Внутренний дворик» (2018). Г. Петрович – лауреат 15 значительных литературных премий, среди них столь престижных, как премия журнала «НИН», премии И. Андрича, Б. Станковича и др. За роман «Осада церкви Святого Спаса» Г. Петрович был награжден премиями имени М. Селимовича, Б. Пекича, Рачанской грамотой и премией Народной библиотеки Сербии за книгу года «Золотой бестселлер». В 2018 г. Г. Петрович был избран академиком Сербской Академии наук и искусств. В последние годы Г. Петрович работает над многотомным сочинением.

² Павич М. О Горане Петровиче, травинке из рукописи и нездешних мечтах // Петрович Г. Атлас, составленный небом. СПб., 2000. С. 5

³ С 1997 г. вышло в свет 19 изданий «Осады» на сербском языке и три на русском (2001; 2005; 2017).

⁴ Алексић Јана. Опседнута прича. Поетика романа Горана Петровића. Београд, 2013. С. 83

⁵ Там же. С. 84

⁶ Шаренац С.Ч. Поетска проза Горана Петровића: Докторска дисертација. Универзитет у Београду. Филолошки факултет. Београд, 2016. С. 391–392.

⁷ Недич М. Поетска фантастика Горана Петровића // Недич М. Основа и прича. Београд, 2001. С. 316.

⁸ Сопильняк Ю.А. Петрович Горан // Лексикон јужнословјанских литературс. М., 2012. С. 339–340.

сербского монастыря Жича – приобретает в «Осаде» всемирно-историческое значение, и в силу этого повествование охватывает историю всей христианской цивилизации на протяжении семи столетий – с XII по XX в. В рамках исторической хронологии первым событием в романе была бы дружеская встреча основателя сербской династии Неманичей Стефана Немани (годы правления 1168–1196) с Фридрихом Барбароссой во время Третьего крестового похода. Затем в соответствии с историей должен следовать Четвертый крестовый поход, затем, спустя полтора десятилетия, строительство сыновьями Стефана Немани Стефаном Первовенчанным и св. Саввой, первым сербским архиепископом, монастыря Жича. В это же время происходит обретение сербской церковью автокефалии, полученной св. Саввой от никейского патриарха и императора Феодора Ласкариса. В дальнейшем, в соответствии с историей, идут события конца XIII в. – захват и разрушение Жичи болгарским князем Шишманом и попытки бывшего сербского короля Драгутина и его брата короля Милутина спасти монастырь. Потом должен был бы появиться сербский деспот Стефан Лазаревич, правивший в первой четверти XIV в. Последним этапом стали бы события начала и конца XX в.: Первая мировая война и межнациональная война в Боснии 1992–1995 гг.

В романе Петровича, как и у Павича, хронология нарушается. Описание осады монастыря переплетается с изображением Четвертого крестового похода и воспроизведением событий XX в. При этом, по существу, отрицается незыблемость хода истории: жена никейского императора Феодора Ласкариса царица Филиппа из начала XIII в. переносится в начало XIV столетия и рождает себе от сокольничего по имени Любен сына Богдана, которого укрывает в XX в.

Как и у Павича, у Петровича подвергаются сомнению достоверность истории и достоверность повседневной реальности: благодаря молитвам монахов церковь поднимается на сто саженей (около двухсот метров) над землей, что превращает ее фактически в неприступную крепость. Однако, в отличие от «Хазарского словаря», фантастика в «Осаде» обретает реальные очертания: жизнь монахов на небе полностью соответствует их обычному существованию. Так, чтобы не упасть вниз, они прыгают с кочки на кочку; чтобы достать воды, спускают бадью на длинной веревке в колодец, а потом прорубают проход в облако. Как и на земле, в стойлах монастыря ревет скот. Само вознесение церкви обусловлено не только силой молитвы, но и практическими действиями: монахи подкапывают основания зданий и тем самым помогают монастырю оторваться от земли. Даже сама возможность настоятеля Жичи обозревать бесконечное пространство и время во всех трех измерениях объясняется наличием в храме особых окон, подаренных св. Савве никейским императором и патриархом.

Осада церкви также ведется в фантастически-реальном или реально-фантастическом измерении. Так, кони куманов взлетают на небо, и лишь дождь не позволяет этим обычным животным удержаться в воздухе, что очень напоминает былинку об Алеше Поповиче и Тугарине Змеевиче. Однако «чудо» в произведении объясняется вполне «прозаически»: куманы предварительно накормили своих коней одуванчиками.

С другой стороны, реальное в романе обретает фантастическую окраску. Например, механик князя Шишмана сарацин по имени Ареф создает огромную баллисту, которая, по логике вещей, должна ударить громадным камнем по монастырю. Однако первым метательным снарядом становится маленькая рыбная косточка, которая тем не менее способствует успеху болгар. Как ни странно, но

именно она лишает Жичу помощи войска короля Милутина, которое должно пройти через страшное ущелье под названием Ждрело. Воины могут преодолеть ужасное место, лишь держась за мощный свист царского любимца Гойко. Однако запущенная болгарами косточка попадает ему в горло, и войско сербского короля не может преодолеть препятствие.

Точно так же Четвертый крестовый поход, относительно точно описанный с исторической точки зрения, на самом деле обусловлен в романе совершенно, казалось бы, фантастической целью. Венецианский дож Дондоло собирается захватить Константинополь, чтобы обрести волшебный плащ, состоящий из десяти тысяч перьев и обеспечивающий его владельцу бессмертие. Дондоло, кажется, удастся получить желаемое, но нескольких перьев не хватает, и дож в конце концов умирает.

К «фантастической» цели стремится и болгарский князь Шишман, осаждающий Жичу. Естественно, что «престрашный» князь, несущий тьму, хочет уничтожить монастырь как источник света. Но сокровенной добычей для него предстает «перо ангела» из того же плаща, которое хранится в бороде игумена монастыря. Историческое столкновение болгарского царя Калояна с крестоносцами также обусловлено в романе борьбой за несколько перьев из этого плаща. В фольклорно-сказочном ключе предстает и неоднократно упоминаемое перо жар-птицы.

Однако, как отмечает авторитетный исследователь латиноамериканского романа А.Ф. Кофман в книге «Америка несбывшихся чудес» (М., 2001), даже в эпоху конкистадоров откровенно фантастические цели (например, обретение бессмертия или встреча с антиподами) представлялись участникам исторических свершений абсолютно реальными и, конечно, наиболее важными и ценными. По словам ученого, для людей той далекой эпохи представления о границах возможного были совершенно иными и определялись верой во всемогущество Бога.

Таким образом, и обыденная жизнь, и сама история обретают волшебносказочные очертания, а фантастические представления героев той эпохи живут, по крайней мере в их сознании, как реальность высшего порядка.

Невозможность отделения реального от фантастического и фантастического от реального, очевидно, свидетельствует об их единстве или, в более широком плане, о всеединстве, присущем мифу. В.Ф. Руднев, ссылаясь на А.Ф. Лосева, отмечал, что для мифа «характерно всеобщее оборотничество – все связано со всем и отражается во всем»¹. Ту же мысль высказывал и М.Е. Мелетинский: «В фантастических образах мифологии широко отражены черты реального мира. В этом отражении мифом действительности есть даже особая “полнота”, потому что все сколько-нибудь существенные природные и социальные реалии должны быть укоренены в мифе...»². При этом мифологическое сознание не знает о «фантастическом», для него оно означает «священное», т. е. истинное, бытие. «Для “примитивных” людей первобытных и древних обществ священное – это могущество, т. е. в конечном итоге самая что ни на есть реальность», – писал М. Элиаде³. О реальности фантастического в мифе говорит и А.Ф. Лосев: «Чудо вовсе не есть нарушение законов природы... С точки зрения мифического сознания чудо-то и есть установление и проявление подлинных, воистину нерушимых законов природы»⁴.

¹ Руднев В.П. Словарь культуры XX века. М., 1997. С. 170.

² Мелетинский М.Е. Поэтика мифа. М., 2000. С. 170

³ Элиаде М. Священное и мирское. М., 1994. С. 18.

⁴ Лосев А.Ф. Диалектика мифа. XI. М., 2021. С. 277–278.

Реальность мифа проявляется в реальной ценности слова и повествования. «Рассказанный» однажды, т. е. открытый, миф становится аподиктической истиной, в нем абсолютная правда. «“Есть так, потому что сказано так”, утверждают эскимосы...» – писал М. Элиаде¹. Е.М. Мелетинский, ссылаясь на Леви-Стросса, отмечает, что мифология выводит свою структуру из повествования о богах и предках². Исключительную роль повествования подчеркивал обращавшийся к мифу лауреат Нобелевской премии И. Андрич.

«Мифологическая логика широко оперирует бинарными (двоичными) оппозициями...» – писал Е.М. Мелетинский³, и весь роман Петровича построен на оппозициях Свет – Мрак, Добро – Зло, Космос – Хаос. При этом поверженный Хаос постоянно грозит Космосу, что находит проявление в данном случае на конкретном уровне. «Если верно, что “наш мир” – это Космос, то всякое нападение извне грозит обратить его в “Хаос”, и так как “наш мир” был образован по образу и подобию творения Богов, т. е. космогонии, враги, нападающие на этот мир, воспринимаются как враги богов – демоны...» – писал М. Элиаде⁴. Демоническое начало в образах Шишмана и его помощников выражено у Петровича с особой силой.

Само вознесение церкви также укладывается в структуру мифа. «...Святость Храма защищена от всякой земной порчи именно потому, что архитектурный план Храма есть творение богов, а следовательно, он расположен рядом с богами, на Небе», – писал М. Элиаде⁵.

Мифом определяется и исключительная роль сна в жизни героев романа, «времени сновидения»⁶. К св. Савве является во сне его отец Стефан Неманя, в монашестве Симеон, провозглашенный после кончины святым. Он предупреждает Савву о необходимости просить у императора и патриарха четыре окна, позволяющих ориентироваться во времени и пространстве.

Царица Филиппа перемещается во сне, и во сне же она встречается со Стефаном Неманей, идущем на помощь к св. Савве. Во сне же Филиппа рождает сына Богдана. При этом сон и явь неразрывно переплетены: вследствие родов Филиппа умирает одновременно во сне и наяву и при ней на императорском ложе находят кусочек засохшей пуповины. Материальное и духовное неразрывно связаны и в других случаях. Так, феодал по имени Прибил погружается в сны путников, ночующих у него, и крадет их сновидения. Иногда добыча, украденная во сне, столь богата, что в реальности ее приходится перевозить на санях, запряженных тремя десятками волов. Однако, погрузившись однажды в сон прибывшего к нему под видом живого человека мертвого германца, Прибил сходит с ума. Между снами живых и снами мертвых проходит опасная черта.

При этом сон в романе предстает и как противовес тяжести человеческого тела, и как высшая форма бытия. Не случайно механик при дворе Шишмана сарацин Ариф заявляет, что двенадцать окк, т. е. примерно пятнадцать килограммов, яви равны одному единственному драму, т. е. трем-четырем граммам, сна.

Реальность мифа, противопоставление его вымыслу прямо утверждается на страницах романа. Богдан, поступая на кафедру орнитологии, утверждает, что у каждого человека на одном плече сидит горлица, а на другом ворон, что соответ-

¹ Элиаде М. Священное и мирское. С. 63.

² Мелетинский М.Е. Поэтика мифа. С. 177.

³ Там же. С. 168.

⁴ Элиаде М. Священное и мирское. С. 37.

⁵ Там же. С. 44.

⁶ Мелетинский М.Е. Поэтика мифа. С. 174.

ствуется христианским представлениям об ангеле и демоне. Однако двое молодых ассистентов кафедры («пустоголовых трещоток», по мнению их руководителя, профессора и серьезного специалиста) не хотят в это верить и воспринимают слова Богдана как пример из мифологии или из сказки для детей. Но, по словам Богдана, его утверждение – это отнюдь не «мифология», т. е. вымысел, а абсолютная истина¹.

Наряду с мифом в «Осаде» исключительно важную роль играет религия². В то время как у Павича христианство представлено всего лишь как одно из нескольких религиозных учений и не имеет преимуществ ни перед иудаизмом, ни перед исламом, у Петровича оно воспринимается как высшая Истина, как религия Света и Спасения. Роман начинается с торжественного описания великого торжества Пасхи в монастыре Жича, а завершается словами службы во время крещения ребенка: «Благословенно Царство Отца и Сына и Святого Духа...». Все монахи представлены как ревностные служители церкви, воплощение лучших душевных качеств. И лишь один из них, монастырский эконом отец Данило, становится жертвой «торговца временем», а фактически воплощенного дьявола, явившегося в мир под именем Андрии Скадараца. Скадарац, пребывающий в монастыре, жертвует монахам пять серебряников, но, когда Данило пересчитывает деньги, серебряников оказывается точно тридцать. И хотя эконом бросает два в колодец, их все равно остается тридцать. И не случайно Данило говорит, что монастырь ожидает большая беда.

В отличие от монахов противники христианства представлены как воплощение мрака, разрушения и гибели. На голове «многострашного» князя Шишмана вместо шапки расположилась «живая рысь», на поясе у него вместо застёжки – гадюка. Независимо от положения солнца Шишмана окружает черная, как деготь, тень. Жестокость Шишмана не знает границ. Когда двое его разведчиков не по своей вине не могут дать четкого ответа на его вопрос, он пускает на них рысь, чтобы та выцарапала им глаза, а затем обрекает их не только на смерть, но и на забвение, т. е. превращение в «ничто», что гораздо страшнее физической гибели.

Не менее ужасны помощник Шишмана Смиляц и куманский князь Алтан. От скрежета зубов Алтана падают, как срубленные, ветки можжевельника, а от его крика валятся птичьи гнезда. Смиляц же отличается «злым нравом» и водится со всякой нечистью, а слово его убивает любого человека.

Очевидно, что такому злу может противостоять лишь Божья помощь. И действительно, несмотря на падение Жичи после сорока дней осады, монастырь вновь возрождается и там вновь идет служба.

Утверждение религии как высшей ценности в целом не присуще сербскому историческому роману и вообще сербскому роману второй половины XX в. «Художник потому и существует, что не верит в бога», – отмечал автор исторических романов лауреат Нобелевской премии Иво Андрич (1892–1975)³. Выдающийся черногорский и сербский писатель Михаило Лалич (1914–1992) в своем наиболее известном романе «Лелейская гора», (1957; 2-я ред.: 1962) в качестве alter ego

¹ М. Недич отмечал, что у Г. Петровича фантастика – «это всегда другая реальность», в то время как у Павича это «часть конструктивной игры автора с литературным предметом». См.: *Недић М. Основа и прича*. Београд, 2002. С. 322–323.

² См.: *Ушакова А.П., Шишкина С.А. Уроки прошлого и настоящего (по мотивам романа Г. Петровича) // Х Кирилло-Мефодиевские чтения «Человек в пространстве православной культуры»*: Межвузовский сборник научно-методических статей. Ишим, 2018. С. 18–21.

³ *Vojvodić R. Sudbina umetnika. Razgovori s Ivo Andrićem*. Beograd, 1976. S. 103.

положительного героя коммуниста Ладо Тайовича выводит «комиссара-дьявола». У наиболее авторитетного сербского писателя Добрицы Чосича (1921–2012) в романе «Разделы» коммунист уподобляется Христу, а монах, стремясь к любовным утехам, предлагает проституткам в качестве платы нательный крест. У известного сербского писателя Борислава Пекича в романе «Время чуда» (1965) самым жестким образом пародируется Евангелие. У крупнейшего сербского писателя-модерниста Миодрага Булатовича (1930–1991) первый сборник рассказов был назван «Дьяволы идут» (1955), а в его же романе с характерным названием «Герой на осле» (1964), по словам Г.Я. Ильиной, ярко представлены «натуралистические сцены проявления маниакальной сексуальности героя, сцены разврата и насилия»¹. В другом романе Булатовича – «Gullo Gullo» (1983) – Христа защищают стаи кровожадных, свирепых животных из семейства куньих, получивших это латинское название. В романе известного писателя-модерниста Мирко Ковача (1938–2013) «Моя сестра Элида» (1965) крестьяне поклоняются мулу как воплощению божественного начала. Весьма характерна в этом плане статья А. Кузмич «Сатанинская изнанка человека. На примерах прозы Мирко Ковача и Миодрага Булатовича»².

Не так много романов в сербской литературе, где автор обращается к религиозной проблематике («Смутное время» М. Маркова, 1976–1978; «Доротей» Д. Ненадича, 1977), и совсем мало произведений с религиозной направленностью («Слово» М. Савичевича, 1983). Тем самым роман «Осада церкви Святого Спаса», с учетом его широкой известности, может рассматриваться и как значимое явление духовной жизни Сербии³.

При этом закономерно возникает вопрос о возможности сочетания постмодернизма и христианства в его православном воплощении. Очевидно, что подобный синтез недопустим в силу противопоставления их мировоззренческих установок, и это отмечается рядом исследователей. По словам М.Н. Липовецкого, «постмодернизм воплощает принципиальную художественно-философскую попытку преодолеть фундаментальную для культуры антитезу Хаоса и Космоса, переориентировать творческий импульс на поиск компромисса между этими универсалиями»⁴. В.Н. Филянова в статье «На пути к “абсолютной свободе”: постмодернизм и христианство» говорит о борьбе постмодернизма с христианством как «источником тоталитарного мышления» и указывает на «идейный тоталитаризм» самого постмодернизма. Для исследователя «постмодернизм есть дитя либерализма», а «эпоха постмодернизма ознаменовалась возвращением европейцев, некогда знавших Христа, к язычеству, даже неоязычеству, к созданию новых религиозных культов, торжеству сект, завуалированному или откровенному поклонению Сатане»⁵. При этом В.Н. Филянова сочувственно цитирует исследователя постмодернизма В. Аксючица, утверждающего, что «постмодернизм додумал-таки до конца выводы из нирванической метафизики буддизма: если реальность сводится

¹ Ильина Г.Я. Булатович Миодраг // Лексикон южнославянских литератур. М., 2012. С. 61.

² Кузмич А. Сатанско наличје људског. На примерима прозе Мирко Ковача и Миодрага Булатовића // Српска фантастика. Београд, 1989. С. 535–542.

³ Отмечен интерес ряда российских писателей на рубеже XX–XXI веков к утверждению национальных духовных ценностей. В македонской литературе в это же время подобным путем идет, по словам А.Г. Шешкен, В. Андовски. См.: Шешкен А.Г. Македонская литература XX – начала XXI века: Очерки истории. М., 2022. С. 396.

⁴ Липовецкий М.Н. Русский постмодернизм: Очерки исторической поэтики. Екатеринбург, 1997. С. 51.

⁵ Филянова В.Н. На пути к «абсолютной свободе»: постмодернизм и христианство // Проблемы национальной стратегии. 2010. № 4(5). С. 176.

к бесконечным вспышкам преходящих элементов, то бессмысленно говорить о каком-либо смысле, нравственности, цели»¹. Естественно, что В.Н. Филяновой отвергаются и такие положения постмодернизма, как «мир есть текст» или «смерть автора».

С другой стороны, с точки зрения протестантизма, допускается возможность взаимодействия постмодернизма и религии. Характерно в этом плане название статьи докторанта Евангельского теологического факультета в Лувене (Бельгия) Р. Соловия «Постмодернизм и религиозное мировоззрение: противостояние и возможности диалога». Отмечая, что «постмодернистская деконструкция религии не означает полный отказ от нее», исследователь при этом полагает, что «постмодернизм сводит религиозную веру к уровню частного мнения, в его трактовке христианство не лучше любой другой системы убеждений»². При этом, по словам Соловия, «наиболее адекватным постмодерну оказывается не универсалистское христианство, а языческие этнографические культы с их магическим восприятием мироздания, обожествлением природы...»³. В заключение исследователь отмечает, что, наряду с «определенной открытостью постмодерна к религиозному мировоззрению», существует такая же открытость «религии, в ее теологической форме, к постмодерну»⁴.

Наконец, можно выделить еще одну точку зрения, откровенно сближающую постмодернизм и христианство. Так, М.В. Михайлова в статье «Апофатика в постмодернизме» включает постмодернизм в контекст христианской мысли, отмечает его обращение к христианским основам. По мнению исследователя, обращение постмодернизма к апофатическому методу может быть расценено как обращение к новым путям поиска истины⁵.

Об определенной связи православия и постмодернизма, об апофатических тенденциях в постмодернизме говорит в своей монографии Т. Горичева⁶. Исследователь допускает появление «религиозного постмодернизма» в «церковно-христианской форме» и видит подобную форму в юродстве – «постмодернистской форме святости».

Не принимая мысль об открытости религии по отношению к постмодерну, равно как и «постмодернистскую форму святости», следует признать, что попытки исследователей добиться сближения христианства и постмодерна представляются несостоятельными, хотя отдельные частные совпадения возможны. Так, Петрович, как представляется, в духе постмодернизма признает исключительную значимость текста (в мире ничего не существовало и не будет существовать, если о нем ранее не повествовалось), что при этом совпадает с библейской истиной о Слове. Постмодернистская мысль о «смерти автора» также совпадает с идеей анонимности, присущей средневековой литературе.

В силу этого автор «Осады», будучи преемником постмодерниста М. Павича, не является его учеником. Программными для Петровича в этом произведении предстают принципы утверждения бытия, иерархии ценностей, неприятие хаоса.

¹ Филянова В.Н. На пути к «абсолютной свободе»: постмодернизм и христианство. С. 179.

² Соловий Р. Постмодернизм и религиозное мировоззрение: противостояние и возможности диалога // Modern Science – Moderni veda. 2015. №5. С. 57.

³ Там же. С. 58.

⁴ Там же. С. 61.

⁵ Михайлова М.В. Апофатика в постмодернизме: <http://www.phil63.ru/apofatika-v-postmodernizme> (дата обращения: 20.01.2023).

⁶ Горичева Т. Православие и постмодернизм. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1991. 64 с.

Фактически, как отмечает Н.Н. Старикова, речь здесь идет о «классической повествовательной традиции», где «постмодернистские приемы не служат для постмодернистских целей»¹.

При этом, впрочем, само христианство у Петровича, столь значимое для постижения смысла романа и столь ценное автором, представлено в отдельных случаях не в строго классическом виде, а в сочетании с отдельными элементами магии и народных верований, т. е. язычества. Так, когда Андрия Скадарац бьет палкой по руке изображенного на фреске монаха, настоящий монах тут же неожиданно падает на пол и ломает в двух местах руку. Когда тот же Скадарац со своим помощником горбуном приходит на мельницу ночью, чтобы смолотить там тыкву с горстью семян, мельник Добреч встречает их, как ему кажется, во всеоружии: «Мельник не испугался, диковинные гости навещали его и раньше, и против таких он всегда пил воду, налитую через нож в черных ножнах, держал в подушке засушенные куриные ноги, а под языком короткую молитву против козней дьявольских». Однако когда Добреч пытается отбиться от незваных гостей колом, горбун по приказу Скадарца плюет мельнику в душу, и последний лишается «человеческой сущности». При этом связка чеснока, висевшая у Добреча на шее, «сама собой расплелась, и головки покатались в разные стороны»². Таким образом, реальной защитой от нечистой силы у Петровича служит не только молитва, но и атрибуты языческих верований. В дальнейшем, когда тыква смолота, сразу же разыгрывается непогода, не позволяющая королю Милутину прийти на помощь Жиче.

Очевидно, что здесь находят отражение народные верования, и таким образом проявляется сочетание христианства и мифа, что довольно часто встречается в художественной литературе. Как отмечали Е.О. и О.Ф. Гавриловы, «миф и религия, в чем-то совпадая, а в чем-то отличаясь, могут образовывать синтетическое единство, а могут вступать в отношения глубокого противоречия. Но даже в этом случае религия, преодолевая, превосходя миф, продолжает сосуществовать с ним в едином времени и пространстве»³.

Обращение к соотношению мифа и религии может быть объяснено на примере воззрений А.Ф. Лосева. Вероятно, можно согласиться с Е.О. и О.Ф. Гавриловыми в том, что «для А.Ф. Лосева религия, вытесняя миф, в ходе исторического развития сама вбирает его черты», хотя нельзя признать, что религия при этом для ученого «становится абсолютной мифологией»⁴. Религия у Лосева остается религией, а миф остается мифом.

При этом любовь к природе, к тварному миру в романе Петровича не обязательно сводить к язычеству. Подчиненное духовному началу, земное начало преобразуется, и монахам присуще радостное восприятие окружающего мира. Отец Паисий, медовник и восковник из Жичи, зовет каждую свою пчелу по имени, и в романе упоминаются таким образом тридцать три пчелы. Затем он собирает и тех пчел, «которые кружили вокруг раскрытого Святого Четвероевангелия»⁵.

¹ Старикова Н.Н. Постмодернизм // Лексикон южнославянских литератур. М., 2012. С. 354.

² Петрович Г. Осада церкви Святого Спаса. СПб., 2005. С. 133.

³ Гаврилов Е.О., Гаврилов О.Ф. Миф и религия: исторические и содержательные аспекты сравнения // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2017. № 39. С. 91.

⁴ Там же. С. 88.

⁵ Петрович Г. Осада церкви Святого Спаса. С. 82.

Здесь возникает параллель с современником св. Саввы Франциском Ассизским и его любовью к Брату-Волку, Брату-Огню и всему живому и неживому на земле. По словам св. Франциска, мир, как творение Божие, прекрасен и дан людям для радости и прославления Творца¹. Известна проповедь Франциска Ассизского, обращенная к птицам, и в романе Петровича птицы как воплощение небесного начала также играют исключительно важную роль.

Даже там, где между мифом и религией проходит пограничная черта, писатель находит точки соприкосновения. Известно, что в мифе отсутствует жесткая демаркационная линия, разделяющая священное и мирское, в то время как она обязательна для религии. Однако у Петровича эта демаркационная линия и сохраняется – и в то же время почти исчезает. С одной стороны, монастырь возносится к небесам, а с другой стороны, находящимся там монахам присущи все естественные потребности.

В определенной мере миф и религию объединяет отношение к Времени. Как отмечает М. Элиаде, «священное время по своей природе обратимо, в том смысле, что оно буквально называется первичным мифическим Временем, преобразованным в настоящее. Всякий церковный праздник, всякое Время литургии представляют собой воспроизведение какого-либо священного события, происшедшего в мифическом прошлом, “в начале”»².

Вместе с тем не стоит ставить знак равенства между священным временем и «первичным мифическим временем». Как отмечают Е.О. и О.Ф. Гавриловы, «не случайно некоторые христианские праздники, хотя генетически и связанные с мифологическими представлениями о чередовании времен года, в результате отрицания их исходного смысла выступают уже в качестве манифестаций трансцендентного священного начала. Тем самым религия в некотором роде превозмогает миф»³. И не случайно, как отмечалось, роман Петровича начинается с описания великого праздника всех праздников – Воскресения, а завершается «Святым таинством Крещения».

Сложное взаимодействие мифа и религии, проявляющееся в «Осаде» Петровича, известно еще сербскому фольклору. Находит оно отражение и в знаменитой драматической поэме «Горный венец» (1847) великого черногорского и сербского поэта П.П. Негоша. Присуще оно и сербскому историческому роману второй половины XX в. Оно проявляется в произведении сербско-боснийско-черногорского писателя Чамила Сиярича «Битва при Мойковце» (1968), где в черногорском сознании уживаются народные верования и христианские ценности. То же можно сказать о романе М. Маркова «Смутное время», где игумен Стефан, символизирующий сербский народ, одновременно выступает как чародей, защищающий в битве на небесах своих соплеменников. Точно так же у Петровича взаимодействие мифа и религии, присущее народному сознанию, играет важную роль. Сам писатель отмечал, что верит в «чудеса», и в его романе «фантастический» мир предстает как высшее проявление истинной реальности. Религиозная направленность романа сочетается с «поэтикой мифа», определяющей художественную специфику произведения.

¹ У И. Андрича, высоко ценимого Г. Петровичем, есть «Легенда о св. Франциске Ассизском».

² Элиаде М. Священное и мирское. С. 48.

³ Гаврилов Е.О., Гаврилов О.Ф. Миф и религия: исторические и содержательные аспекты сравнения. С. 97.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексић Ј.* Поетика романа Горана Петровића. Београд, 2013. 379 с.
- Гаврилов О.Е., Гаврилов О.Ф.* Миф и религија: исторически и содржатељни аспекти сравнења // Вестник Томског државног универзитета. Филозофија. Социологија. Политологија. 2017. №39. С. 88–101
- Горичева Т.* Православие и постмодернизъм. Л., 1991. 64 с.
- Кузмић А.* Сатанско наличје људског. На примерима прозе Мирко Ковача и Миодрага Булатовића // Српска фантастика. Београд, 1989. С. 535–542.
- Липовецкий М.Н.* Русский постмодернизм. Очерки исторической поэтики. Екатеринбург, 1997. 317 с.
- Лосев А.Ф.* Диалектика мифа. М., 2021. 446 с.
- Мелетинский М.Е.* Поэтика мифа. М., 2000. 406 с.
- Старикова Н.Н.* Постмодернизм // Лексикон јужнословјанских литература. М., 2012. С. 350–355.
- Шешкен А.Г.* Македонска литература XX – начала XXI века: Очерки истории. М., 2022. 478 с.
- Элиаде М.* Священное и мирское. М., 1994. 143 с.

REFERENCES

- Aleksih J. (2013) Poetics of Goran Petrovič's Novel. Belgrade. 379 p.
- Gavrilov O.Ye., Gavrilov O.F. Myth and Religion: Historical and Substantive Aspects of Comparison. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 2017. No 39, pp. 88–101.
- Goricheva T. (1991) Orthodoxy and Postmodernism. Leningrad. 64 p.
- Kuzmič A. The Satanic Side of the Human. On the Examples of the Prose of Mirko Kovača and Miodrag Bulatovič. In: *Srpska Fantastika*. Belgrade. 1989, pp. 535–542
- Lipovetsky M.N. (1997) Russian Postmodernism. Essays on Historical Poetics. Yekaterinburg. 317 p.
- Losev A.F. (2021) Dialectic of Myth. Moscow. 446 p.
- Meletinsky M.Ye. (2000) Poetics of Myth. Moscow. 406 p.
- Starikova N.N. Postmodernism. In: *Lexicon of South Slavic Literatures*. Moscow. 2012, pp. 350–355.
- Sheshken A.G. (2022) Macedonian Literature of the 20th – early 21st centuries: Essays on History. Moscow. 478 p.
- Eliade M. (1994) The Sacred and the Profane. Moscow. 143 p.

Сведения об авторе:

Сергей Николаевич Мещеряков,
канд. филол. наук
доцент
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Sergey N. Meshcheryakov,
PhD
Associate Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
pionerskaya@bk.ru